

2

План спасения

Не все любят приключения, но погода никого не спрашивает

Мох, Вереск и Дождевик сидели на полу в своей чистенькой комнате и разглядывали странную прозрачную руку.

— Ты когда-нибудь про такое слышал? С кем-то ещё это случалось? — спросил Мох.

— Отродясь не слыхивал. Никто про такое не рассказывает: ни тайный народец, ни животные, ни люди — совсем никто.

— И ни капельки не болит? — уточнил Вереск.

— Ничутьточки.

— Ну хоть так.

— Да, вот только... а вдруг этим дело не кончится? Вдруг у меня ещё что-то исчезнет?

— А вдруг и с нами будет то же самое? — испуганно спросил Мох.

Друзья торопливо обследовали себя с головы до ног: сначала проверили, на месте ли руки, ноги,

пальцы, пятки и локти; потом заглянули под одежду и пощупали животы; затем каждый насчитал у себя по две коленки.

— У меня вроде всё в порядке, — объявил Вереск. — У вас тоже? Хорошо.

— Это дело очень серьёзное, нутром чую, — сказал Дождевик. — Скоро что-то изменится. Знать бы ещё что! Когда-то у меня уже бывало такое предчувствие — давным-давно, сотни кукушкиных лет назад.

— Ох, не надо нам перемен! — содрогнулся Мох. — Я хочу, чтобы всё оставалось по-прежнему. Всегда и на веки веков!

— Ты же знаешь, что так не бывает, — сказал Вереск. — Конечно, ты самый младший из нас, но всё-таки уже мог бы заметить, что мир постоянно меняется.

— Да, но... Мне не нравятся слишком резкие перемены, — сказал Мох. — И ещё перемены к худшему. Я люблю только те перемены, которые в лучшую сторону.

— Но ведь нельзя же заранее угадать, как оно всё обернётся, правда? — заметил Вереск. — Надо сперва посмотреть, чем дело кончится. Вспомни прошлый ледниковый период: сперва было тревожно, потом — жуть как скучно и холодно, но ведь в конце концов стало совсем неплохо.

— А ты что помнишь, Вереск? — спросил Дождевик. — Ну, про старые времена, ещё до людей, когда Пан назначил нас хранителями природы?

— Не так уж много, — признался Вереск. — Так, разные картинки, впечатления... Как обрывки сна.

Дождевик понимающе кивнул.

— А Мох тогда и вовсе был мальцом. Зато я всё помню до сих пор.

— И динозавров помнишь? — спросил Мох, восторженно округлив глаза.

— Ещё бы! Среди них встречались чудесные создания. И такие забавные! Брахиозавры, например. Вы не представляете, до чего они были смешные! А вот гигантозавры... к ним лучше было не подходить. Да и трицератопсам я не доверял. Но теперь ужасно скучаю по старым добрым археоптериксам, и по мохнатым мамонтам — они жили чуть позже, — и по зубрам, и по налимам, и по гагаркам — знаете, настоящим, большим. Ах да! И по тем чудесным синим бабочкам, которые куда-то пропали. Скучаю по всем живым тварям, которых больше нет в нашем Зелёном Мире. Даже по самым маленьким.

— А помнишь, как на земле появились люди? — спросил Мох.

— Ну на первых порах почти ничего не изменилось. А если изменилось, то я не заметил. Люди говорили на языке природы, жили точно так же, как все прочие существа, и плодились не так уж быстро. Тогда они нас не заботили. Взять жуков и прочих насекомых, например: ведь на свете их буквально тучи, да что с того? Даже когда люди

научились возделывать землю, мы не забеспокоились. По правде говоря, нам нравились все эти новые местечки, которые они создавали: леса, посаженные ради древесины, живые изгороди, водоёмы...

— Да, я люблю красивые, густые изгороди, — сознался Мох.

— Я тоже, — поддакнул Вереск. — А кто не любит?

— Но теперь уже понятно: когда люди научились властвовать над природой, мы перестали быть её хранителями. Люди почувствовали себя хозяевами и принялись менять всё вокруг. А нам становилось всё трудней и трудней приглядывать за растениями и животными на своих участках. Теперь мы и сами живём как вольные дети природы. Жизнь-то, в общем, неплохая, но я скучаю по тем временам, когда занимался своим делом, понимаете?

— И я скучаю, — вздохнул Вереск. — У меня был отличный участок: лимонная роща, где водились дикие кабаны. Я её охранял и старался, чтобы там хватало места всем, кому нужен дом. Вы бы видели, какие славные полосатые детёныши появлялись на свет каждую весну! А как шелестела на ветру молодая листва!

— И что стало с твоей рощей? — спросил Дождевик. Он, конечно, знал, что произошло; но иногда надо давать друзьям возможность выговориться.

— Её срубили, чтобы сделать мебель, — сказал Вереск, утирая слёзы. — И тогда мне... мне пришлось уйти.

Оба слушателя сочувственно закивали. Они тоже могли бы порассказать о любимых местах, которые сохранились только в их памяти. Мох когда-то присматривал за диким лугом, а Дождевик — за мирной, сонной заводью.

— И что? Теперь люди — хранители природы? — спросил Мох.

Дождевик задумчиво насупил брови.

— Должно быть, такова воля Пана... хоть они, кажется, этого ещё не поняли.

Дождевик немного стеснялся своей прозрачной руки, поэтому Мох и Вереск впервые в жизни вышли к садовому народцу вдвоём. Они представились новеньким — стайке весёлых длиннохвостых попугаев, которые с недавних пор зачастили в сад, — поболтали с ласточками, что гнездились по соседству, и поздоровались с мышонком по имени Усач. Целых двести поколений его предков прожили свои коротенькие жизни под половицами дома номер пятьдесят два.

У всех гостей и обитателей сада наши друзья спрашивали зимние новости и сплетни. Дело

в том, что Мох старался сочинять баллады про каждый прошедший год. Баллада — это длинная песня, в которой рассказывается какая-нибудь история. Её можно петь, а можно просто читать, как стихи (и хорошо, потому что Мох, по правде говоря, поёт ужасно). Баллада — отличный способ сохранить в памяти всё, что произошло на Ясеновой улице с прошлого кукушкина лета. Обычно такие баллады нравились зверям и птицам — если, конечно, не рассказывали публике про их собственные тёмные делишки. Например, про то, как сойка Вертушка морочила голову сразу троим женихам, или про то, как местные белки съели все яйца в гнезде синицы.

— Это просто для развлечения, — скромно объяснил Мох попугаю Карлосу. — Конечно, мне далеко до настоящих сказителей старины.

Древние легенды и саги считались величайшими святынями их народа и тысячелетиями передавались из уст в уста. Разве могли с ними сравниться рифмованные истории Мха?

Когда настало время пить чай, поднялся сильный ветер, а небо затянуло тучами.

— Ой, не нравится мне всё это, — заявил Вереск и полез вверх по стеблю нарцисса, чтобы

хорошенько рассмотреть хмурый западный горизонт. Хоть он и любил иногда повалить дурака, но погоду предсказывал удивительно точно, а ещё прекрасно умел находить дорогу. — Пойдём-ка домой, посмотрим, как там Дождевик. Рука у него вроде не болит, но я всё-таки беспокоюсь.

Нарцисс медленно склонил жёлтую голову, бережно опуская человечка на землю.

— Небольшой дождик сейчас не повредит, — заметил Мох. — От него вся зелень пойдёт в рост. А в нашем саду так не хватает травы и диких цветов! Эти люди вечно их выдёргивают — один Пан знает зачем — и сажают цветы, которые не нравятся пчёлам.

И всё-таки Мху тоже хотелось поскорей вернуться домой, в полый ствол ясеня. По натуре он был молчуном и любил отдохнуть после встреч с соседями. А вот Вереск мог часами веселиться в шумной компании.

— Боюсь, что это не просто дождь, — сказал Вереск. — Кажется, будет буря!

Друзья поспешили назад, к ясеню. И хоть взрослые жильцы дома номер пятьдесят два в это самое время глядели в окно и гадали, не лучше ли поскорей снять с верёвок чистое бельё, они не заметили во дворе ничего необычного.

Дождевик тихонько сидел на полу и перебирал небольшую кучку песка. Песчинки были собраны в разные эпохи и в разных краях. Одни переливались яркими красками, другие пестрели причудливыми

узорами; попадались среди них и крошечные обломки кораллов, и даже окаменелости.

— Приводишь в порядок свою коллекцию? — спросил Мох.

— Просто люблю иногда на них смотреть. Они напоминают мне про былые времена, — сказал Дождевик, бережно ссыпая песчинки в деревянную шкатулку. — Как там садовый народец? Все на месте?

— Да, живы-здоровы, — ответил Мох. — У мышей опять полно детворы. Из кокона вылупилась бабочка-лимонница, зовут Джоанной. Вот только ежа Фрума мы нигде не нашли.

Вереск принёс охапку сухого лишайника и взял несколько щепок из аккуратной поленицы у входа. С помощью двух обломков кремня он высек искру и разжёг огонь в очаге. За долгие века друзья столько раз занимались растопкой, что теперь каждый из них управлялся с очагом ловко, быстро и без малейших раздумий, словно играючи. Если часто упражняться, можно освоить любое, даже самое трудное дело. А смотреть на мастера за работой — настоящее удовольствие.

Мох, который лучше всех умел готовить, достал из буфета ковригу хлеба, медовый пирог, немножко сушёной смородины и трёх вяленых кузнечиков (по вкусу они похожи на полоски копчёного бекона, только жевать трудней). Ну как тут было удержаться и не отправить в рот «лишние» крошки пирога? Ведь Мох ужасно любил поесть. Иногда ему даже было трудно разделить еду

по справедливости — особенно если никто за ним не приглядывал.

— Клянусь зубами Пана, ветер-то разгулялся, — сказал Вереск, услышав, что где-то в вышине скрипят и стонут ветки старого ясеня. — Конечно, весной погода капризная. На то она и весна.

— И то верно, — согласился Мох. — Да и чего нам бояться? Ведь у нас такой уютный дом. А, Дождевик?

Повисла долгая пауза: их старый друг жевал особенно жилистую ножку кузнечика, держа её в невидимой руке. Казалось, кузнечик просто висит в воздухе. Наконец Дождевик проглотил мясо, отломил себе кусочек медового пирога и снова перевёл взгляд на огонь.

— Что с тобой? Ты сегодня очень тихий, — заметил Вереск. — Переживаешь из-за руки?

— Да, немножко. А ещё... что-то я вдруг подумал про нашу сельскую родню. Помните Вьюнка, Клевера, Морошку и кузена Чихотника?

— Да про них уже сотню кукушкиных лет ничего не слышно! — воскликнул Мох. — Они всё ещё живут у того ручейка в деревне? Как его там — Шальной Ручей вроде?

— Вот-вот, — сказал Дождевик. — Вьюнку просто сказочно повезло. Он до сих пор охраняет то же место, что и в былые времена, — излучину ручья, где испокон веков растут дубы.

— Райское местечко, должно быть, — мечтательно сказал Мох.

— Жаль, что до них так далеко, — вздохнул Дождевик. — Может, они разобрались бы, почему я... ну, исчезаю. Кузен Чихотник кое-что знает о целебных травах, а Вьюнок живёт на земле даже дольше, чем я. Наверное, он подсказал бы, что делать.

— А знаешь, кто ещё может что-то знать? Робин Весельчак.

— Верно-верно, Мох! Робин — самый старший и самый мудрый из всего тайного народца. Когда-то мы с ним встречались — ещё при римлянах. Но кто же знает, куда Робин подался теперь!

— Знаете что? — внезапно сказал Вереск. — Давайте отправимся в поход к Шальному Ручью! Я уж как-нибудь найду путь на окраину города, а когда окажемся на природе, попросим помощи у птиц. Дрозд и скворец правы: пора бы нам прогуляться, на мир посмотреть.

Трое друзей сидели у очага, а в саду между тем становилось всё темнее. Ветки старого ясеня жутковато стонали на ветру. Вскоре на землю упали первые тяжёлые капли дождя. Беседа у огня продолжалась и после того, как в ближайших домах друг за другом погасли окна. Иногда друзья вроде бы соглашались, что лучше остаться в обжитом, безопасном месте. Но потом Дождевик замечал, что должен расспросить кого-нибудь про свою руку. И тогда им начинало казаться, что надо обязательно, непременно выбрать в поход к Шальному Ручью и навестить тамошних родичей.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

